
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Нина Черкасова. Рядом с Николаем Черкасовым. Вступ. ст. Е. Белодубровского; предисл. А. Н. Черкасова. СПб.: Реноме, 2022. — 268 с.: ил.

Великий советский артист Николай Черкасов (1903–1966), чье лицо изображено на советском ордене Александра Невского, в воспоминаниях его жены. Народный артист СССР, лауреат Ленинской и пяти Сталинских премий, кавалер двух орденов Ленина предстает «без грима», без официоза. Впервые Нина Вейтбрехт увидела Черкасова в 1926 году в Саду отдыха, где в эстрадной программе выступало танцевальное трио «Пат, Паташон и Чарли Чаплин». Патом был Черкасов. «Невероятно длинный, в узких брючках, едва доходивших до щиколоток, в кургузом пиджачке, он лихо вскиды-

вал ноги, складывался и закручивался, поражая удивительной легкостью движений. Этот Пат был очень смешон, нелеп и в то же время трогателен и мил». Она оценила талант исполнителя, но желания познакомиться с ним не возникло.

Настоящая встреча состоялась в 1929 году на вечеринке. Продолжилась после спектакля, где играл Черкасов. Молодые люди пошли гулять «куда глаза глядят»: через Троицкий мост, по Каменноостровскому проспекту до памятника «Стерегающему». Зайти в кафе или ресторан они не могли, оба были одинаково бедными. В ноябре 1930 года они поженились и оставались верными друг другу на протяжении всей своей совместной тридцатипятилетней жизни. Нина Черкасова (1907–1980) рассказывает о детстве и юности Черкасова, очерчивает его начальный творческий путь. Самым сильным впечатлением для Черкасова на всю жизнь остался Шалапин. Черкасов, юный статист Мариинского театра, вместе со своим другом Евгением Мравинским выходил в первой паре бояр, шествующих за Борисом Годуновым-Шалапиным в сцене венчания в опере «Борис Годунов». В 1933 году Черкасова пригласили работать в Академический театр драмы (тогда еще этот театр не носил имя Пушкина), вместе с ним туда перешла и актриса Н. Вейтбрехт. Жизнь супругов измерялась кинофильмами, в которых снимался Черкасов. Он сыграл почти в 50 картинах. В театре за 32 года работы у него было только 10 крупных ролей, кино восполняло творческие потребности актера. Н. Вейтбрехт дает профессиональный — и очень личный разбор ролей Черкасова, рассказывает о трудностях, с которыми приходилось актеру сталкиваться, и о комических случаях, неизменно сопровождавших творческую работу. Приводит отклики, оценки, говорит об отношении актера к своим ролям. Неформальные, живые воспоминания, сценки, фразы, диалоги. Так, если для роли Александра Невского актеру не хватало конкретных подробностей — даже внешность героя была неизвестна, то роль Горького (фильм «Ленин в 1918 году») давалась тяжело именно из-за обилия подробностей. Н. Вейтбрехт приоткрывает тайны рождения образов, созданных Н. Черкасовым. Так, войти в образ Маяковского в спектакле по пьесе В. Катаняна «Они знали Маяковского» актер смог, только заполучив американские спортивные ботинки на толстой кожаной подошве. А в фильме «Подруги» сыграть бессловесную роль оголодавшего белогвардейского офицера-убийцы сумел, только вообразив себя собакой. В жизни сдержанный в проявлении эмоций, особенно горестных, он очень не любил слез, зато в ролях охотно плакал — в царевиче Алексее, в Полежаеве, в Дронове. Много рассказано о совместной работе Черкасова и Эйзенштейна над фильмами «Александр Невский» и «Иван Грозный». Сам Черкасов считал это творческое содружество, переросшее в дружбу, самым значительным в своей жизни. Н. Вейтбрехт неоднократно бывала на съемочных площадках, она — очевидец. Особые страницы совместной жизни: поездка на Дальний Восток (1939), где за неполные три месяца Черкасовы дали 90 концертов, выступали в городах, на заставах, в отдаленных поселках, перед многотысячными аудиториями и перед полутора десятком человек. Почти сразу после начала войны Черкасовы и их новорожденный сын вместе с театром эвакуировались в Новосибирск. Н. Вейтбрехт не оставляла работу в театре, Черкасов уехал в Алма-Ату сниматься в фильме «Иван Грозный». Трудности быта, проблемы с продовольствием меркли перед вестями из Ленинграда. В декабре 1942 года бригаду актеров, среди которых были Черкасовы, перекинули через линию фронта в Ленинград. Выступали на подводных лодках, в клубе НКВД, в Доме Красной Армии, в Выборгском Доме культуры... Поездке в блокадный Ленинград посвящена отдельная глава. Еще одна длительная военно-шефская концертная поездка состоялась в 1954 году по приглашению от частей советской армии, расположенных в ГДР: Дрезден, Лейпциг, Берлин и маленькие городки, Веймар Гёте и Шиллера и в одиннадцати километрах от него Бухенвальд. Н. Вейт-

брехт пишет о неизменно теплом приеме, который оказывали им в частях, о впечатлениях от восстанавливающихся городов. Она была постоянной участницей творческих вечеров и концертных программ Черкасова. Освещена общественная деятельность Черкасова, депутата Верховного Совета СССР, председателя Ленинградского отделения ВТО. Во времена сталинских репрессий он не боялся ходатайствовать за невинно осужденных, спас жизни не одного человека, верил в светлые идеалы коммунизма, а аресты и казни людей часто считал ошибкой, которую был в силах исправить. Помогал с устройством в больницу, с предоставлением жилплощади. Бесчисленны были заграничные поездки Черкасова, крупного общественного деятеля, борца за мир. Экзотика дальних странствий и достопримечательности его не особенно увлекали. Заядлый охотник и рыболов, он любил бродить по нашим лесам или вышагивать со спиннингом по берегу озера. В быту был совершенно неприхотлив, и за ведение дома, прием гостей отвечала жена. Дом появился после войны (остались позади коммунальные квартиры, жизнь в проходных комнатах за перегородкой) — квартира на Кронверкской улице и дача в Комарове. В Комарове отдыхали, принимали гостей, встречали Новый год. Любовно и уважительно пишет Н. Вейтбрехт о людях, друзьях и близких знакомых, бывавших в их доме: Ю. Герман, Е. Шварц, Б. Ливанов, А. Райкин, Д. Шостакович, Е. Мравинский, Л. Орлова. Н. Вейтбрехт пережила мужа на 14 лет. Ее воспоминания впервые вышли в свет в 1978 году. В это издание ее сыном внесены дополнения: 4 случая вмешательства Н. Черкасова, благодаря которым люди были освобождены из лагеря, отрывки из книги А. А. Ливеровского с описанием совместной охоты с Черкасовым. В книге воспроизведены фотографии из семейного архива.

Григорий Кропотов. Игры нашего двора. СПб.: Реноме, 2021. — 96 с.: ил.

Григорий Кропотов рассказывает об играх ленинградских мальчишек в 50–60-е годы прошлого столетия. Он подробно излагает правила почти трех десятков игр. Это игры с мячом, такие, как лунки, вышибалы, пятнашки с мячиком, собачки, лапта. И игры без мяча, среди которых самой веселой он называет коллективную игру «Али-Баба» — веселую, с криками и беготней. Очень популярными были игры в ножички: у каждого мальчика должен (!) был быть свой собственный ножик. Много значили для детей игры в фантики от конфет. Ценились фантики красивые, из плотной бумаги (от карамелек, соевых батончиков и ирисок не собирались). Ими гордились, ими можно было обмениваться, их приобретали в ходе игры. Г. Кропотов называет две основные зимние игры, вспоминая, что 60 лет назад зимы были более холодными, снежными. Опасной была игра «хозяин горы», когда две команды, толкаясь, сбивая друг друга, боролись за горку. Другая, тоже командная — «крепость», заключалось в том, что, слепив вместе горку из снежных шаров, одна команда ее отвоевывала, другая защищала. У всех действий есть конкретный адрес: дом, построенный в начале 50-х годов XX века на Гаванской улице Васильевского острова. Добротный сталинский дом с чердаками, на которых жильцы сушили белье, и с подвалами, с сарайчиками во дворе. В доме были три проходные парадные, что давало прекрасную возможность бегать и прятаться в играх. Прекрасным местом для игр был и сам двор: прямоугольное пространство, огражденное с четырех сторон, создававшее чувство «своего двора». Весь двор принадлежал детям, автомобилей во дворе не было. Отсутствовали и спортивные площадки, для игр с мячом использовали пожарные лестницы. Г. Кропотов не только пишет о детских играх, он воссоздает эпоху. В дом на Гаванской родители привезли его прямо из роддома. Его отец, преподаватель в Высшем военно-морском училище им. Фрунзе, толь-

ко что получил на четырех человек 18-метровую комнату в четырехкомнатной квартире. Коммунальными были почти все квартиры пяти-шестиэтажного дома. В них поселились в основном старшие военно-морские офицеры, как и отец автора, прошедшие Великую Отечественную войну. Профессиональная общность отцов, схожие условия жизни способствовали единению детей. Еще только-только стали появляться телевизоры, на весь дом имелся один-единственный велосипед — дорого, да и места для них в коридорах не было, и все свое время дети проводили во дворе, а коллективные игры являлись главным их времяпровождением. Автор помнит, что во дворе почти никто из ребят не курил и никогда не раздавалось матерного слова ни во дворе, ни на улице. Безымянными героями книги являются ленинградские мальчишки 50–60-х годов. В играх они строго следовали кодексу, и если водящий бросал игру, не отведившись, в следующий раз с ним отказывались играть, а если и брали в игру, то только снова водящим. Автор приводит считалки тех лет, с помощью которых выбирали водящих, подсмеивается над абсурдностью их текстов. Но и считалки тех лет отражали свое время. Вот как звучала знакомая считалка «На золотом крыльце сидели», переименованная под влиянием идущего на экранах кинотеатров фильма «Тарзан». «На золотом крыльце сидели: / Чита, Рита, Джейн, Тарзан. / С ними маленький пацан. / Чита варила картошку, / Тарзан побежал за вином. / Чита подставила ножку, / Тарзан полетел кувырком». А в считалке «Вышел немец из тумана, / Вынул ножик из кармана. / Буду резать, буду бить, / Все равно тебе водить», позже слово «немец» заменяли то на «ежик», то на «месяц», а в 50-е годы, когда еще очень острой была память о войне, безусловно из тумана выходил «немец». В отсутствие игрового «инвентаря» дети проявляли изобретательность, не всегда «праведную». Изготавливали биты для лапты из штакетника, вырванного из заборчика палисадника в соседнем дворе. Для свинцовой биты (для игры в фантики) со свалки завода «Севкабель» таскали стратегический материал — обрывки кабеля со свинцовой оплеткой. Технология изготовления из добычи «инвентаря» для игр излагается. Активная дворовая жизнь не мешала и другим занятиям: автор учился английскому языку и игре на фортепьяно, успевал и читать. В свою книгу Г. Кропотов включил только те игры, в которые играл сам, и далеко не все. Он сосредоточился на тех, которые, как он считает, приносили ему и его товарищам по двору пользу. Интересные и динамичные, они развивали реакцию, точность, ловкость, скорость, укрепляли характер. Эти игры, как правило коллективные, командные, включали от трех до двенадцати и более ребят и, в свою очередь, приучали ребят жить в социуме. Невольно встает вопрос: кто счастливее — дети 50-х годов, находившиеся в тесном общении со сверстниками, или наши современники, дети, уткнувшиеся в гаджеты? Описания игр сопровождаются комментариями и собственными детскими впечатлениями автора, большим количеством примеров и мемуарных отступлений. Эта книга своего рода путешествие в мир детства дедушек (и немного бабушек) современных детей. Но в своей книге автор видит более широкий общественный смысл. «История создается в первую очередь не историками-профессионалами, история создается очевидцами, записки и воспоминания которых наполняют труды историков фактами и правдой жизни, помогая им верно оценивать происходившее много лет назад».

Теодор Линднер. История Ганзы. СПб.: Евразия, 2020. — 224 с.

Развитие ремесел и торговли неизбежно подталкивало купцов к установлению связей с чужими землями, а опасности, подстерегавшие купцов на чужбине и в море, заставляли торговцев объединяться. В середине XII века сложился крупный политиче-

ский и экономический союз торговых городов Северо-Западной Европы, Ганза. Про существовал он до середины XVII века, объединяя до полутора сотни городов. Состав неоднократно менялся, иногда города, несогласные с общими установками Ганзы, изолировали, торговать с ними ганзейцам запрещалось. Датой основания Ганзы принято считать 1241 год, когда Любек и Гамбург заключили договор о совместной борьбе с разбоем в районе между Эльбой и Траве. Но Теодор Линднер считает, что Ганзу породил не этот договор, а постепенное формирование системы связей и в первую очередь слияние торговых систем Северного и Балтийского морей, а также соглашения, регулировавшие заморскую торговлю. Торговые интересы гнали немецких купцов на берега Темзы, на побережья Балтики, где главенствовали шведы и датчане, в далекую Россию. Ганза связала запад и восток Европы, Россию с Брюгге и Англией и превратила бассейн Северного и Балтийского морей в единое торговое пространство. По тогдашним меркам это был огромный регион, и контролировать его было непросто. Т. Линднер пишет о том, как шли завоевание и колонизация земель к востоку от Эльбы, по его мнению, самое масштабное деяние из всех, совершенных немцами в средние века. В экспансии немцев на восток принимали участие все сословия: рыцари, горожане, крестьяне, церковники. Утверждение немцев на южном и восточном берегах Балтийского моря и обращение населявших их славянских племен в христианство происходило огнем и мечом. Из знатных славянских семей только одна смогла удержать власть в своих руках. Вслед за сушей немецким становилось и море. На протяжении всего средневековья немецкие купцы рассматривали север Европы как свою сферу влияния. Т. Линднер подробно рассказывает о принципах и правилах, которыми руководствовалась Ганза: Большой Ганзейский статут, непреложный для всего союза, большие ганзейские съезды и их решения, уставы, законы, право магдебургское, любекское, кульмское. Особое внимание уделяет торговым путям, связям, центрам. Рассказывает, как функционировали торговые представительства («конторы») в Новгороде и Лондоне, в Брюгге и Антверпене, в Бергене и Скании, какими внутренними правилами регулировалась жизнь купцов, как был обустроен их быт, как складывались отношения с местными жителями. Считалось, что самой большой опасности подвергалась контора в Новгороде, где ганзейцы находились среди многочисленного и чуждого по своим обычаям населения. Но и в Норвегии дело часто доходило до кровавых столкновений: норвежцы ненавидели немцев, которые вели себя как господа и не соблюдали законы. Конторы давали ганзейским купцам крышу над головой, обеспечивали относительную безопасность, создавали условия для совершения сделок, следили за соблюдением законов и ганзейских привилегий. Самой прибыльной считалась новгородская контора Ганзы, контора в Лондоне (знаменитый *Stahlhof*) имела больше всего торговых привилегий от местных властей. В Брюгге возникало больше всего конфликтов по поводу тамошних привилегий, а в норвежском Бергене, где зимы были особо длинными и скучными, купцы придумывали больше всего разных развлечений. Эту контору называли самой веселой, разумеется, в средневековом понимании этого слова. Важнейшим условием для создания ганзейской конторы являлось наличие крупного и интересного для немцев рынка, например, шерсти — в Лондоне, сукна — в Брюгге, пушнины и воска — в Новгороде, вяленой рыбы — в Бергене. В конторе в Скании (ныне Швеция) главным видом деятельности была ловля и засолка сельди — из-за бесконечных церковных постов сельдь оставалась необходимым продуктом питания. Комфортнее всего было в Брюгге, там, в отличие от Новгорода или Бергена, купец мог найти все удовольствия тогдашнего цивилизованного мира, все мыслимые яства, ремесленные изделия и произведения искусства, но и конкуренция там была сильнее. Т. Линднер рисует живые картинки прошлой жизни, сопровождая

их обильной информацией. Так, он рассказывает, какими товарами торговали ганзейские купцы, что интересовало их в других странах. Например, самым ценным товаром с востока и севера Европы были меха, — Россия была важнейший поставщик этого востребованного товара. В сфере интересов Т. Линднера формы торговли, ее участники, денежные единицы, устройство торговых кораблей. Большое значение придается взаимоотношениям имперской власти и немецких городов. При слабой центральной власти, не признавая и власти территориальных князей и герцогов, города сумели стать самостоятельными единицами со своими устройством и законами. Члены Ганзы вели большие и тяжелые войны с князьями, порой и между собой. Один из краеугольных столпов Ганзы — запрет городам, конфликтующим друг с другом, обращаться за помощью к князьям. К кровавым столкновениям приводили внутренние конфликты в ганзейских городах между верхушкой — городским советом и средним классом, ремесленниками. Т. Линднер помещает историю Ганзы в контекст эпохи, эпохи, в которую непрерывные войны вели между собой скандинавские королевства, немецкие князья противостояли скандинавским владыкам, традиционно, веками сохранялся конфликт Дании и ганзейцев, а в Балтийском море бесчинствовали пираты. Пагубные последствия для ганзейцев, вообще-то умело использовавших чужие слабости, имела Тридцатилетняя война в Европе. Т. Линднер считает, что историю Ганзы можно писать только как коллективную, но в его книге есть и яркие личности: и властители, и представители разных сословий, есть и яркие эпизоды долгой ганзейской жизни. Т. Линднер дает и свой ответ на вопрос, почему ганзейский союз после блестящих успехов все-таки прекратил свое существование. Закончилась его эпоха, начались процессы централизации, менялись торговые пути. Северогерманские города не могли отстоять море в борьбе с сильными территориальными государствами и в конце концов были вынуждены уступить более успешным соперникам.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)